
ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

ЗНАМЯ РЕВОЛЮЦИИ НАД БРЮССЕЛЕМ

Менее чем через месяц после Июльской революции во Франции, 25 августа 1830 г. в Бельгии тоже вспыхнула давно назревавшая революция. Еще в первых числах августа, как только стало известно о событиях во Франции, бельгийцы с большим воодушевлением восприняли эту весть. В дошедших до наших дней донесениях царского посланника в Нидерландах Н. Д. Гурьева и секретаря посольства Ф. Голицына имеется подробное описание событий и настроений бельгийцев в те дни. В донесении от 1 августа 1830 г. Голицын сообщал, что жители Брюсселя с огромным энтузиазмом и чувством восхищения воспринимают все новости, приходящие из Парижа¹. Русское посольство в Гааге переслало в Петербург номер бельгийской газеты «*Courrier des Pays-Bas*», которая 11 августа писала: «Огромное большинство бельгийцев с энтузиазмом приветствует все, что происходит во Франции в течение вот уже 15 дней»². В очередной депеше от 3 августа русскому послу в Лондоне Х. А. Ливену Голицын с тревогой сообщил: «Ужасные новости из Франции произвели здесь, и в частности в южных провинциях (Бельгии.— *А. Н.*) сенсацию, которую, мне кажется, невозможно описать. В Брюсселе народ собирается толпами, с нетерпением ожидая новостей из Парижа, все дела отложены, заметно всеобщее беспокойство среди всех классов общества. Но среди этого всеобщего возбуждения доминирующим чувством является интерес и любопытство»³.

Чем же объяснить то волнение, с которым была встречена бельгийцами весть об Июльской революции? Чтобы ответить на этот вопрос, вернемся к 1815 г., когда в результате окончательного поражения Наполеона его победители решили перекроить на Венском конгрессе карту Европы. Как писал Ф. Энгельс, на этом конгрессе «наро-

ды покупались и продавались, разделялись и соединялись, исходя только из того, что больше отвечало интересам и намерениям их правителей»⁴. В числе многих деяний Венского конгресса был акт о создании в Европе нового государства, Нидерландского королевства, соединившего принадлежавшую ранее Франции Бельгию с Голландией. Инициатором этого предложения была английская дипломатия, стремившаяся создать из объединенной Голландии и Бельгии государство, способное противостоять Франции. Созданию Нидерландского королевства предшествовала сложная дипломатическая игра, в которой активное участие приняла и Россия. Когда еще до Венского конгресса Англия выдвинула проект создания Нидерландского королевства, царь поставил свои условия: Россия согласится на увеличение территории Голландии (за счет присоединения Бельгии.— *А. Н.*) только в том случае, если Голландия и Англия возьмут на себя уплату части долга России, полученного ею в виде займа от голландского банкирского дома Гоппе и К^о. За три недели до подписания акта Венского конгресса о создании Нидерландского королевства русский посол в Англии Ливен вместе с лордом Лондондерри (Р. С. Кэстлри) и нидерландским уполномоченным подписали конвенцию относительно перевода на Англию и Голландию части русского долга. Как отмечал К. Маркс, нидерландский король охотно согласился на эту сделку. «желая должным образом вознаградить союзные державы за освобождение его страны» а также за аннексию Бельгии, на которую он не имел ни малейшего права»⁵.

Бельгия, находившаяся в течение нескольких веков поочередно под властью австрийцев, испанцев и французов, по воле европейских дипломатов обрела в 1815 г. новых хозяев — голландцев во главе с их

---

¹ АВПР, канц. МИД, оп. 469, д. 43, лл. 41—42.

² Там же, л. 43.

³ Там же, лл. 28—29.

---

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 2, стр. 568.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 9, стр. 384.

королем Вильгельмом I⁶. Ш.-М. Талейран, принимавший участие в Венском конгрессе, в своих мемуарах впоследствии писал, что Нидерландское королевство, «составленное из двух стран, разделенных старинной враждой, противоположных по стремлениям и интересам..., на долгие годы обречено быть слабым и неустойчивым»⁷. Действительно, следующие события подтвердили это мнение французского дипломата: новое государство оказалось непрочным, а Июльская революция дала толчок к началу революции и в бельгийских провинциях.

Из многих местных причин, приведших к революционному взрыву в Бельгии в августе 1830 г., следует выделить прежде всего экономические и социально-политические. Бельгия, насильственно соединенная с Голландией, в течение 15 лет подвергалась самому жестокому гнету с ее стороны. Бельгийские провинции уже в начале XIX в. были индустриально развитыми. Большое влияние на них оказала политика Наполеона I, поскольку присоединение к Франции стало для Бельгии своеобразным сигналом к промышленному прогрессу. Наибольшего расцвета достигла угольная промышленность; бурными темпами развивалась и металлургическая, в которой было занято более 65 тыс. рабочих⁸. Значительно выросла продукция суконной промышленности: к 1830 г. на фабриках в Вербве производилось от 100 тыс. до 120 тыс. кусков сукна в год⁹. Хлопчатобумажная промышленность, переживавшая упадок в первые годы голландского господства в связи с нехваткой сырья, закрытием некоторых рынков в 1814 г. и проникновением более дешевых английских товаров, в последующие годы достигла высокого уровня. На ее развитии благотворно сказалось расширившееся применение машин. Открывались новые прядильные и ткацкие фабрики в Генте, Рене, Термондене, Сен-Никола, в

окрестностях Брюсселя. Быстрыми темпами развивалась стекольная промышленность; вблизи Валь-Сен-Ламбера появился крупный хрустальный завод.

Это сравнительно быстрое индустриальное развитие бельгийских провинций не совпадало с направленностью голландской экономики, ибо Голландия в то время занималась главным образом торговлей, вывозом и ввозом товаров, сношениями со своими обширными колониями. Кроме того, в бельгийских провинциях издавна укоренилась враждебность к голландцам в связи с тем, что на протяжении XVII—XVIII вв. Нидерланды закрывали устье р. Шельды. Это тяжело отражалось на торговле Антверпенского порта, да и вообще на бельгийской экономике. Экономическая политика правительства Вильгельма I (высокие пошлины на бельгийские товары, большие налоги на убой скота и помол муки) задевала интересы широких слоев городского и сельского населения Бельгии. Значительные разногласия между голландцами и бельгийцами имелись и в политических вопросах. «Основной закон» Нидерландского королевства был отвергнут большинством бельгийских нотаблей. Несмотря на это, король и правящие голландские круги обошли волю бельгийцев, навязав им этот закон. В Генеральных штатах, главном правительственном органе Нидерландского королевства, бельгийцы и голландцы имели одинаковое число представителей (55), хотя население Бельгии почти вдвое превышало население Голландии. Следует добавить также, что огромный (более 500 млн. флоринов) долг Голландии лег тяжким бременем на Бельгию, государственный долг которой в 1815 г. равнялся всего 26 млн. флоринов.

В объединенном королевстве все было приспособлено к интересам голландцев: главные органы правительства и администрации находились в Голландии; большинство важных государственных постов было отдано голландцам; министры Вильгельма I, почти все голландцы (за исключением одного человека, герцога Ш.-Ж. Юрселя), стремились упрочить господство северных провинций над южными. Такие деятели первых лет голландского режима, как барон Гогендорп, А.-Р. Фальк, Ван Нагель и Ролль, протестовавшие иногда против единоличного правления Вильгельма, постепенно уступили место послушным советникам вроде министра юстиции К.-Ф. Ван Маанена, служившего и изменявшего

⁶ Вильгельм Нассауский (принц Оранский) родился в Гааге в 1772 году. В 1793—1795 гг. командовал голландскими войсками, выступавшими против революционной Франции. После изгнания из Голландии французами служил в прусской и австрийской армиях с 1795 г. по 1813 г., затем стал королем Нидерландов, а с 16 марта 1815 г. — и королем Бельгии.

⁷ Ш.-М. Талейран. Мемуары. М. 1959, стр. 316.

⁸ R. Demoulin. Guillaume Ier et la transformation économique des provinces belges (1815—1830). P. 1938, p. 314.

⁹ Ibid., p. 322.

последовательно нескольким режимам до Вильгельма I и справедливо прозванного «злым гением короля», или вроде министра внутренних дел П.-Ж.-С.-Л. Ван Гоббельшроу, или статс-секретаря Ван Стрефкерка, которого сравнивали с колоколом, либо безмолвным, либо издающим звук только по воле господина. Неравенство царило и в армии: офицеров-голландцев было почти 2000, а бельгийцев — 147. Только в колониальной армии численный перевес был на стороне бельгийцев, плативших, по выражению одного бельгийского историка, «дань кровью»¹⁰.

Введение голландского языка (1822 г.) в качестве обязательного для всех официальных и судебных документов вызвало против правительства бурю возмущения у валлонцев, то есть бельгийцев, пользовавшихся французским языком. Негодование было настолько сильным, что правительство сочло благоразумным в 1829—1830 гг. отказаться от этой меры. Издание сурового закона о печати, согласно которому журналисты и владельцы типографий должны были нести ответственность перед судом за содержание публикуемых ими статей, также вызвало широкое недовольство. Немалую роль сыграли и религиозные разногласия между жителями северных и южных провинций королевства. Бельгийцы были в своем большинстве католиками, голландцы же — протестантами. Католическое духовенство протестовало против свободы культов и допущения ко всем званиям и должностям людей любого вероисповедания.

Антиголландский лагерь, однако, не был единым. В бельгийских провинциях шла острая борьба двух партий, либеральной и католической. Католическая выражала интересы дворянства и духовенства, а преобладала она в сельских местностях. Либеральная партия представляла интересы промышленной и торговой буржуазии. Главой либеральной оппозиции был видный публицист и ученый Л. де Поттер, выдвинувший в 1828 г. идею союза с бывшими врагами — католиками. Теперь обе партии совместно требовали от правительства установления конституционных свобод. В ряде писем, опубликованных в прессе, де Поттер резко критиковал политику голландского правительства, за что был привлечен к суду, а 15 ноября 1828 г. заклю-

чен в тюрьму Пти-Карм. Ожидая суда, он не прекращал начатой борьбы и продолжал публиковать статьи с требованиями свободы прессы, ответственности министров, независимости судебной власти. В декабре 1828 г. суд приговорил де Поттера к штрафу и 18 месяцам тюрьмы. Находясь в заключении, он продолжал агитацию через печать в пользу союза католиков и либералов. В знаменитых «Письмах Демофила» де Поттер доказывал, что сложившаяся правительственная система противоречит основам конституционной монархии. За антиправительственную деятельность в начале 1830 г. де Поттер был приговорен судом к изгнанию из королевства на 8 лет.

Общая вражда к правительству привела к тому, что обе оппозиционные партии, несмотря на все разногласия, объединились для совместной борьбы. «В один прекрасный день,— писал итальянский историк середины XIX в. К. Джемели,— католические журналы выступили в защиту либерализма, а либеральные газеты стали отстаивать католические интересы, и правительство Вильгельма I потеряло голову от этой неожиданной перемены ролей»¹¹. К концу 1829 г. общественное недовольство проявилось уже и в парламенте, который 55 голосами против 52 отверг проект бюджета (обычно принимавшийся на 10 лет), так что правительству пришлось довольствоваться временным бюджетом.

Экономическая политика голландского правительства отрицательно сказывалась прежде всего на положении широких трудящихся масс Бельгии. В годы голландского режима значительно выросли цены на продукты питания. Заработная плата рабочих была низкой и не соответствовала стоимости жизни. Наименьшая зарплата была у рабочих льняной промышленности, получавших около 1 франка в день. Зарплата угольщиков — 1 франк 23 сантима в день. Средняя зарплата рабочего в Брюсселе равнялась 1 франку 62 сантимам в день (1 кг говядины стоил 1 франк 60 сантимов)¹². Трудное положение бельгийских рабочих усугублялось тем, что на многих предприятиях была распространена система оплаты труда продуктами. Предприниматели хищнически эксплуатировали труд детей. В шерстопрядении и льнопрядении,

¹¹ C. Gemelli. Histoire de la révolution belge de 1830. Bruxelles. 1860, p. 72.

¹² L. Bertrand. L'ouvrier belge depuis un siècle. Bruxelles. 1924, p. 61.

¹⁰ J.-B. Nothomb. Essai historique et politique sur la révolution belge. Bruxelles. 1833, p. 8.

где детский труд был неразрывно связан с работой взрослых, практиковалась одинаковая со взрослыми эксплуатация малолетних, работавших, как и старшие, в любое время суток и в течение всей недели без выходных. Рабочий день детей длился, как правило, 13 часов.

По данным Э. Дюкпесье, одного из активных участников бельгийской революции, впоследствии видного публициста и статистика, инспектора тюрем и благотворительных учреждений, число немущих в 1828 г. достигло 563,5 тыс. чел., то есть практически каждый седьмой житель бельгийских провинций числился в списке бедных, а в некоторых наиболее индустриально развитых провинциях — Эно, Брабанте — немущим являлся каждый четвертый или пятый житель. Общеобразовательный уровень рабочих был низким. В 1830 г. в бельгийских провинциях на 4,075 млн. жителей имелось 293 тыс. учащихся. Таким образом, на 100 жителей приходилось лишь 7 учащихся¹³. Для покрытия нужд казны правительство постоянно изыскивало новые статьи дохода. Главными средствами служили два источника: таможенные пошлины и налоги. Введение новых налогов, особенно за помол и убой скота, вызвало серьезные волнения. В Люксембурге в 1823 г. волнения были столь сильны, что правительству пришлось ввести в эту провинцию регулярные войска¹⁴. В кантонах Муно, Эталль, Бульон, Виртон и Флоренвиль толпы мужчин и женщин с топорами, вилами и мотыгами в руках не допускали налоговых служащих взимать налоги за помол. В Ремихе крестьяне, вооруженные ружьями и дубинами, принудили мельников молоть муку бесплатно. Подобные же волнения происходили в других провинциях. В течение последующих лет бельгийцы не переставали заявлять страстные протесты и даже восставать против ненавистных налогов, а когда правительство незадолго до революции согласилось отменить эти два налога, было уже слишком поздно и этот шаг уже не мог снизить недовольство.

Практически все слои населения бельгийских провинций были недовольны голландским режимом. В письме к министру юстиции Ван Маанену один из голландских чиновников сообщал: «Если ваше превосходительство спросит меня, в каком классе населения правительство еще насчитывает сторонников, я буду вынужден ответить,

что ни в каком»¹⁵. В то время, когда в Париже началась революция, бельгийские города готовились к празднованию 58-й годовщины рождения Вильгельма I. На 24 августа намечались особо пышные торжества. Но оппозиция была настроена весьма решительно. В Брюсселе были расклеены плакаты такого содержания: «В понедельник 23 августа — фейерверк, во вторник 24-го — иллюминация, в среду 25-го — революция»¹⁶. Прибывший в Брюссель король не придавал особого значения всеобщему возмущению и отверг просьбу губернатора Южного Брабанта генерала Биландта о присылке военных подкреплений. Власти ограничились отменой иллюминации 24 августа.

А на следующий день шла опера известного французского композитора Ф. Обера «Фенелла» (или «Немая из Портичи»). Именно с этой оперы, в которой дарование композитора выступило ярко и самобытно, началась его слава. Либретто оперы было написано знаменитым французским драматургом Э. Скрибом в соавторстве с Ж. Делавинем. Сюжет оперы взят из истории неаполитанского восстания Мазаньелло против испанского владычества в 1647 году. Население Неаполя изнемогало тогда под бременем налогов и вымогательств со стороны мадридского правительства. Притеснения приняла особенно невыносимый характер, когда во главе управления стал Р. П. де Леон (герцог д'Аркос). 7 июля вспыхнуло восстание против налога на фрукты. Восстание возглавил молодой рыбак Томмазо Аньелло (сокращенно Мазаньелло), убивший одного из испанских чиновников. Примеру Мазаньелло последовали другие. Неаполитанцы с криками «Долой пошлину!» направились к таможням, разрушили их, а затем открыли ворота тюрем. Вице-король бежал из города, и вечером восставший народ провозгласил городским главою Мазаньелло.

В политическом отношении Мазаньелло был неопытным человеком. Кардинал Филемарино и легист Дженовино убедили его согласиться на капитуляцию, лживо уверяя, что народ получит равные с дворянством политические права и сохранит оружие вплоть до подтверждения договора испанским королем; что все налоги, установленные после правления короля Карла V, отменят, а восставшим будет дарована амни-

¹⁵ H. Pirenne. Histoire de Belgique. Vol. 6. Bruxelles. 1929, p. 366.

¹⁶ E. Wasnairе. Histoire ouvrière et paysanne de Belgique. Bruxelles. 1930, p. 85.

¹³ Ibid., p. 128.

¹⁴ R. Demoulin. Op. cit., p. 44

ствия. Поверив обещаниям, Мазаньелло в сопровождении громадной толпы отправился в собор, где д'Аркос поклялся ему соблюдать договор. После этого Мазаньелло заявил, что миссия его окончена, и вернулся в свою рыбацкую хижину. С этого дня у Мазаньелло, не выдержавшего бремени временной власти, появились признаки помешательства. В такой ситуации вице-король сумел настроить толпу против Мазаньелло, и 16 июля последний был зверски убит. А на следующий день неаполитанцы, спохватившись, устроили своему бывшему вождю торжественные похороны. Так закончилось, согласно сценарию (и почти как в жизни), восстание жителей Неаполя.

Опера Обера была впервые поставлена 29 февраля 1828 г. на сцене Музыкальной академии в Париже. Многие арии из нее сразу снискали популярность, особенно «Любовь к отечеству святая». Постановка оперы после Июльской революции была запрещена на сцене Брюссельского оперного театра, но 26 августа в честь дня рождения короля голландские власти снова разрешили ее поставить. Народные сцены из оперы произвели на брюссельских слушателей и зрителей сильнейшее впечатление. Слишком много общего было у бельгийцев с неаполитанцами, поднявшими бунт против ненавистного иноземного ига. И вот после спектакля на театральной площади собрались голлы народа. Раздавались возгласы «Да здравствует свобода!», «Да здравствует де Поттер!». Затем все двинулись к дому, где находилась редакция полуофициоза, газеты «Le National». В доме ее издателя Л. Баньяно, бывшего каторжника Тулонской тюрьмы, служившего своим пером правительству, разбили стекла, выломали дверь, уничтожили мебель и книги. Самого редактора в этот момент не было дома, и это спасло его. Дом ненавистного министра юстиции Ван Маанена был сожжен. Как сообщала бельгийская «*Journal de l'Anvers et de la province*» от 27 августа, «...после домов Либри Баньяно и Ван Маанена был полностью опустошен дом директора полиции Книфа... Лавки оружейников повсюду были разграблены, витрины театра разбиты»¹⁷. Под натиском восставшего народа правительственные войска, состоявшие в основном из голландцев, бежали из Брюсселя. На следующий день в городе была создана буржуазная гвардия, основная обязанность которой заключалась в том, чтобы воспре-

пятствовать возобновлению народных выступлений. В прокламациях буржуазной гвардии волнения в Брюсселе приписывались «кучке бродяг-иностранцев», которые стремились «поджечь фабрики и уничтожить станки».

Король, напуганный происшедшим, срочно собрал Государственный совет, который решил «привести армию в боевую готовность, призвать всех ополченцев, что должно было составить 100 тыс. чел., а также сформировать корпус в 20 тыс. чел., часть его сконцентрировать в Антверпене, а другую в Маастрихте»¹⁸. Поначалу правительство надеялось уладить конфликт с помощью некоторых уступок восставшим. Однако последующие события опрокинули эти расчеты. В Брюсселе 27 августа повсюду были сняты королевские гербы, а на ратуше вместо королевского штандарта вывешено черно-желто-красное брабантское знамя. Вскоре на выступление брюссельцев откликнулись жители Вербье, одного из наиболее промышленных городов Бельгии. В Льеже и Лувене Брюссельское восстание также вызвало всеобщий энтузиазм. Затем волнения начали быстро разрастаться и охватили всю страну. В Монсе и Льеже были организованы отряды гражданской гвардии, причем часть из них отправилась на помощь Брюсселю. Во главе льежских волонтеров стал один из лидеров либеральной оппозиции Ш. Рожье, впоследствии назначенный министром внутренних дел Бельгии (в 1848 г. этот субъект подписал приказ о высылке К. Маркса с семьей из Брюсселя).

В Брюсселе начались столкновения между рабочими и ремесленниками, требовавшими независимости Бельгии, и буржуазной гвардией, желавшей добиться лишь некоторых административных уступок со стороны правительства. Однако посланная в Гаагу делегация бельгийских нотаблей вернулась в Брюссель ни с чем. Отрицательный ответ короля, не пожелавшего удовлетворить ни одного из требований восставших, вызвал возмущение. Вильгельм же решил силой подавить революцию. В Брюссель была послана армия в 6 тыс. чел., которой командовал принц Фридрих. Перед тем, как войти в Брюссель, 21 сентября он обнародовал прокламацию в надежде, что она внушит «спасительный страх виновным» и даст ему «поддержку со стороны тех жителей, которые страдают под тяжестью не-

¹⁷ АВПР, канц. МИД, оп. 469, д. 43, л. 55.

¹⁸ Там же, лл. 63—64.

исчислимых бедствий». Русский дипломат Н. Д. Гурьев в своих депешах в Петербург выражал уверенность, что в «скором времени порядок будет восстановлен благодаря правительственным войскам». В ряде донесений Гурьев делал тот вывод, что революционная волна спадает; но он явно недооценил размах деятельности народных масс¹⁹.

Тем временем голландские войска окружили Брюссель. Еще 17 сентября на помощь восставшим прибыли добровольцы из Вавра, Боринажа, Шарлеруа, Льежа, Лимбурга и обеих Фландрий²⁰. В Комиссии общественной безопасности, выбранной 9 сентября из членов буржуазной гвардии, произошел раскол. Более левые ее члены откололись и основали Центральное собрание, противопоставив его комиссии в целом, которая оставалась верна режиму, а опиралась на крупную буржуазию. Центральное собрание, хотя оно не имело определенной и законченной программы, опиралось в принципе на народные массы, включая рабочих. 19 сентября на улицах осажденного Брюсселя появились многочисленные группы вооруженных пролетариев. Раздавались крики: «К оружию! Вперед! Долой комиссию! Долой буржуазную гвардию!». На следующий день эти отряды приняли участие во взятии ратуши и разоружении буржуазии. Нотабли, крупные буржуа, офицеры гвардии и члены Комиссии общественной безопасности бежали, преимущественно во Францию. Власть перешла в руки Центрального собрания во главе с буржуазными демократами Ш. Плетинксом, Ф. Вандермиреном, Ф. Меллине, Ш. Ниелом, К. Роденбахом.

Рабочие готовились к встрече с голландцами, стоявшими у ворот города. Повсюду возводились баррикады. Вооруженные отряды занимали боевые позиции. 23 сентября голландские войска атаковали Брюссель. Им удалось овладеть верхней частью города. 24-го они получили подкрепления. Ночь на 25-е прошла в приготовлениях к решительной схватке, а утром сражение возобновилось. Зазвонили колокола, раздался барабанный бой. Весь день длился поединок. Он был продолжен 26 сентября. Восставшие нацелили главную атаку на парк, где засел неприятель. Голландцев окружили. Ночью последние без боя покинули свои позиции. Революция победила. Описание этой битвы содержится в донесении Н. Д. Гурьева от

28 (16 ст. ст.) сентября: «Некоторые местные экзальтированные граждане, большое количество льежцев и французов захватили в свои руки город, решившись, по-видимому, похоронить себя под его развалинами. Множество атак было предпринято войсками короля, но, видя невозможность сохранить и далее свое преимущественное положение и чтобы избежать напрасных потерь людей, принц принял решение удалиться»²¹.

Для бельгийцев весть о бегстве врага послужила сигналом к новым выступлениям. В очередной депеше на имя К. В. Нессельроде Гурьев с тревогой сообщал, что революционные волнения охватывают все новые и новые районы. В Брюсселе в ходе сентябрьского сражения было создано Временное правительство, в которое вошли в основном представители умеренно настроенной буржуазии: Э. Огворст, Ш. Рожье, Ф. де Мерод, А. Жандебьен, С. ван де Вейер, а 28 сентября в это правительство вступил и де Поттер, вернувшийся из изгнания. Временное правительство начало постепенно осуществлять свою программу: уничтожило препоны, мешавшие свободному обучению в стране, восстановило гласный суд, отменило наказание солдат палками, провозгласило свободу веры, печати, политических собраний, религиозных, политических и торговых обществ и пр. Эти мероприятия означали первые шаги к торжеству в Бельгии буржуазного политического строя. Победу революционеров в южных провинциях закрепили Генеральные штаты, которые 29 сентября провозгласили отделение Бельгии от Голландии. В начале ноября начал действовать Национальный конгресс, избравший своим местопребыванием Брюссель, а 18 ноября он провозгласил независимость Бельгии. 22 ноября он проголосовал за конституционную монархию, причем из 200 его членов только 13 подали свой голос за республику (в том числе и де Поттер), а 24 ноября конгресс объявил Оранский дом навсегда лишенным бельгийского престола.

Победа революции явилась результатом активной борьбы народных масс — рабочих, ремесленников, сельскохозяйственного пролетариата, а также мелкой и средней буржуазии. Но так как рабочий класс Бельгии еще не имел собственной политической организации и массовое пролетарское движение только зарождалось, то плодами революции воспользовалась буржуазия, прочно

¹⁹ Там же, д. 42, лл. 65—66.

²⁰ E. Waspaige. Op. cit., p. 133.

²¹ АВПР, канц. МИД, оп. 469, д. 42, лл. 81—82.

захватившая власть в свои руки. Вскоре бельгийский вопрос стал одним из центральных вопросов тогдашней европейской дипломатии. Бельгия была территорией, где сталкивались интересы великих держав Западной Европы. Кроме того, революционное отделение от Голландии наносило удар по Венским трактатам 1815 г. и системе Священного союза, уже частично подорванной освобождением Греции от османского гнета и окончательным свержением Бурбонов во Франции. Теперь Бельгия оказалась под угрозой военной интервенции со стороны реакции, ибо голландский король, убедившись в неспособности справиться с революцией собственными силами, решил обратиться за военной помощью к великим державам. В письме, адресованном Николаю I, Вильгельм I уверял, что «смута» в Бельгии еще не достигла своего предела и что вопрос о Бельгии касается всей Европы. Взывая о военной помощи, он подчеркивал: «Предоставленное самому себе, восстание парализует назначение Нидерландов в европейской системе»²².

В ответ царь согласился оказать военную поддержку голландскому королю, но при условии, что и другие европейские державы пойдут на это: «Интересы всей Европы затрагиваются событиями в Бельгии. Проникнутый этими убеждениями, я готов выполнять в согласии с моими союзниками взятые на себя обязательства... Я не колеблюсь ответить на призыв вашего величества: уже отдан приказ, чтобы были собраны необходимые войска»²³. Однако осуществ-

влению плана вооруженной интервенции в Бельгию помешали многие факторы: подъем национально-освободительного движения в ряде стран Европы, восстание в Польше, наметившееся после Июльской революции сближение между Англией и Францией. Лондонское правительство, стремившееся использовать непопулярность в Европе политики царизма в собственных интересах, заняло позицию, враждебную планам интервенции против Бельгии, и предложило другим государствам созвать конференцию для мирного урегулирования бельгийских дел. Конференция открылась в Лондоне 4 ноября. Почти год заседали представители России, Англии, Франции, Австрии и Пруссии, решая судьбу бельгийского народа. После долгих дипломатических споров и сложнейших интриг они согласились признать независимость Бельгии. 21 мая 1833 г. было подписано соглашение об окончании военных действий между Бельгией и Нидерландами. На престоле же нового государства оказалась теперь Саксен-Кобургская династия в лице Леопольда I, правившего с 1831 г. (до него в течение пяти месяцев регентом страны являлся Э. Л. Сюрле де Шоке).

Освобождение Бельгии от иноземного гнета, насильственно навязанного ей решением Венского конгресса, и создание в результате революции национального государства явились большим завоеванием бельгийского народа, крупным шагом вперед в развитии этой страны и важным событием всей европейской истории первой половины XIX века. Оно ознаменовало собой, в частности, очередное поражение реакционной системы Священного союза.

²² «Красный архив», 1941, № 1 (104), стр. 229.

²³ Там же, стр. 226.